Кондратий

БИРКИН

Вредности и фаворитки

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Книга Кондратия Биркина (П.П.Каратаева), практически забытого русского литератора, открывает перед читателями редкую возможность почувствовать атмосферу дворцовых тайн, интриг и скандалов России, Англии, Италии, Франции и других государств в период XVI–XVIII веков.

Царствование Генриха, подобно царствованию Грозного, можно разделить на две эпохи: славы и бесславия. В первую пору тот и другой отличались прекрасными качествами, заботливостью о народе, о пользах государства и славными воинскими деяниями. Потом они словно перерождаются, и все их действия клонятся как будто к тому, чтобы невинно проливаемой кровью смыть первые страницы своих биографий, а злодействами изгладить из памяти народной все отрадные впечатления первых лет их царствования!

- Кондратий Петрович Биркин
  - ○
- notes
  - ○ 1
  - ○ 2
  - ○ 3

Кондратий Петрович Биркин
Генрих VIII, король английский

Кардинал Уолси. – Анна Болейн. – Джейн Сеймур. – Екатерина Говард. – Екатерина Парр (1509–1547)

Тирания и лютая кровожадность в венценосцах – вот еще две характерные черты XVI века, о которых мы хотя и не упомянули во вступлении к нашему труду, но не теряли их однако же из виду. Почти каждое государство, будто состязаясь с другими, порождало своего Тиберия, Калигулу или Нерона. Турция имела Сулеймана II, Испания – Филиппа II, Дания – Христиана II, Россия – Ивана Грозного, Швеция – Эрика XIV, Англия – Генриха VIII. Все они, будто звери одинаковой породы, во многих чертах имеют какое-то родственное сходство, но оно особенно бросается в глаза при сличении Генриха VIII, короля английского, с Иваном IV Васильевичем, царем всея Руси.

Царствование Генриха, подобно царствованию Грозного, можно разделить на две эпохи: славы и бесславия. В первую пору тот и другой отличались прекрасными качествами, заботливостью о народе, о пользах государства и славными воинскими деяниями. Потом они словно перерождаются, и все их действия клонятся как будто к тому, чтобы невинно проливаемой кровью смыть первые страницы своих биографий, а злодействами изгладить из памяти народной все отрадные впечатления первых лет их царствования! Новейшие казуисты утверждают, что каждое преступление совершается человеком не в нормальном состоянии его умственных способностей и что оно есть проявление болезни воли или припадок сумасшествия. Допуская этот взгляд на преступления и преступников, можно, право, подумать, что в XVI веке, от его начала до конца, в Европе свирепствовала какая-то эпидемия зверства: лихорадка деспотизма, *красная* горячка или мания самодурства. Действительно, при сравнении тиранов разных стран между собою они по разительному сходству зверских своих выходок, по изобретательности на пытки и истязания, по адской иронии, которой приправляли смертные приговоры, напоминают одержимых однопредметным помешательством. Возьмем неукротимое сладострастие Генриха VIII и нашего Грозного, их языческое женолюбие, облекаемое, однако, в форму законного, супружеского сожительства, – в этом один как будто подражал другому. Генрих VIII любил богословские прения и выказывал при них претензию на

основательное изучение предмета; Грозный точно так же любил беседовать с духовенством, хвалил иноческое житье и кощунственно подражал ему со своей опричниной в Александровской слободе. Советы Вассиана, инока Кирилловского монастыря, растлили сердце царя Ивана Васильевича и посеяли на эту восприимчивую почву первые семена злобы и ярости… То же самое, хотя иными путями, сделал с сердцем короля Генриха VIII его любимец, честолюбивый кардинал Уолси. Наконец, по какому-то таинственному предопределению и царь русский, и король английский преобразились к худшему и впали в тиранию почти через одинаковое число лет: Грозный – через двадцать два года (1538–1560), Генрих VIII – через двадцать один год (1509–1530); тирания первого длилась, однако, двадцать четыре года (1560–1584); к Англии Провидение было милосерднее: Генрих VIII свирепствовал семью годами менее – с 1530 по 1547 год. И того достаточно было.

В покойном короле Генрихе VII скупость, доходившая до гнусного скряжничества, поглотила все человеческие и родительские чувства. При содействии своих министров, Эмпсона и Дадлея, он систематически грабил народ под видом всяких податей, прямых и косвенных налогов. Народ беднел, королевская казна обогащалась, и, несмотря на последнее, двор и королевское семейство были не только далеки от роскоши, но явно терпели неудобства от непомерной экономии и расчетливости скупого короля. Эта жизнь была особенно несносна наследнику престола – Генриху, принцу Уэльскому,[1] одаренному умом и сердцем, склонному ко всякого рода развлечениям и – как оно всегда бывает с сыновьями скупцов – к расточительности. Естественная, хотя и неблагородная мысль – вознаградить себя за все лишения после смерти отца – переходила в желание ему скорейшей кончины, разделяемой втайне и всем народом. Наконец 22 апреля 1509 года скончался Генрих VII, завещая восемнадцатилетнему принцу Уэльскому престол, казну в 1800 тысяч фунтов и вместе с короной руку своей невестки, Екатерины Арагонской, вдовы принца Артура, бывшего наследника, скончавшегося за шесть лет до этого.

Первый брак был следствием политических соображений Генриха VII, второй – следствием его скупости.

Дочь Фердинанда Католика и Изабеллы, родная сестра Хуаны Безумной, Екатерина Арагонская родилась в 1485 году и, по обычаю того времени, с колыбели была присуждена на принесение в жертву политике. Семнадцати лет она была выдана за наследника английского престола Артура, принца Уэльского

(14 ноября 1502 г.), юноши хворого, снедаемого изнурительной болезнью; Екатерина была для него не женой, но сестрой милосердия и вместо брачного ложа нашла в чужой стране смертный одр несчастного, которого дали ей в мужья… Через год Артур скончался. По договору державных сватьев Генрих VII обязан был возвратить своей невестке приданое (100 тысяч фунтов) и отпустить ее на родину. Расстаться с громадной суммой было королю-скряге едва ли не тяжелее, нежели потерять сына. Право престолонаследия перешло к младшему брату покойного Артура, двенадцатилетнему Генриху, и нежный родитель решил обручить его с вдовою его брата, на что и получил разрешение от Папы Юлия II. Приданое осталось неприкосновенно, и дружественные отношения с Испанией упрочились. Когда Генрих достиг совершеннолетия, король-отец снова вступил в переговоры с испанским королем о прибавке приданого и пересмотре нового брачного договора и в ответ на отказ Фердинанда принудил сына от его собственного имени протестовать против предстоящего брака (27 июня 1505 г.). Дело однако же уладилось; Папа вторично признал его законность, дал разрешительную буллу, и, несмотря на это, Генрих VII все медлил бракосочетанием сына с невесткою, желая, вероятно, выторговать еще какую-нибудь прибавочку к приданому… Так продолжалось до его смерти.

Через два месяца по восшествии на престол Генрих VIII отпраздновал свою свадьбу с Екатериной Арагонской, а через несколько дней короновался. Не было предела радости народной, не было конца и праздникам, балам, турнирам, которыми Генрих VIII вознаграждал себя за долгий пост при жизни слишком расчетливого родителя. Просим извинения у читателя за тривиальное сравнение, но первые два-три года своего воцарения Генрих был похож на купеческого сынка, вырвавшегося на волю после смерти своего тятеньки и протирающего глаза наследственным миллионом. Окруженный толпою любимцев, он полной чашей пил удовольствия, пристрастился к игре и часто проигрывал. Руководителем короля на этом, его недостойном, поприще был его придворный духовник и милостынераздаватель Томас Уолси – изобретательный на забавы, потворщик страстям короля, его советник в государственных делах и неизменный спутник в кутежах и гулянках. Опасны бывали королям фаворитки, сирены, своими ласками побуждавшие их на злодейства, вместе с их здоровьем и умственными способностями истощавшие казну, разорявшие народ; но тысячу раз опаснее фавориток бывали временщики, подобно Уолси, систематически развращавшие государей ради вернейшего достижения своих

честолюбивых целей. Фаворитка – только сирена: любовь и красота – ее единственные орудия; не таков временщик, развивающий в своем государе порочные наклонности, могущий при случае подстрекнуть его самолюбие, раздуть в его сердце злобу, ненависть или, наоборот, коварными наветами угасить в нем искры добра и благородных побуждений. Именно таков был Уолси, для которого монашеская ряса и духовный сан были путеводителями на поприще честолюбия, ведшими его ни более и ни менее как на престол римского первосвященника.

Томас Уолси родился в Ипсвиче (графство Суффолк) в 1471 году и был, по сведениям некоторых историков, сыном зажиточного мясника, человека настолько умственно развитого, что он послал сына учиться в Оксфорд. При богатейших способностях Уолси занимался с таким успехом, что пятнадцати лет был удостоен степеней бакалавра и магистра. Эразм Роттердамский при своем посещении Оксфорда познакомился с даровитым юношей, с удовольствием беседовал с ним и совещался об учреждении при университете кафедры греческого языка. Трудно было решить, что в молодом Уолси было сильнее: самолюбие или способности. Когда у него со сверстниками заходила речь о будущем, он постоянно повторял: «Лишь бы мне только попасть ко двору, а там нет, кажется, той высокой должности, до которой бы я не добрался!»

Задавшись этой целью, Уолси вступил в свет – приходским священником в Лимингтоне и наставником детей маркиза Дорсет. После того он подружился с Нэнфэном, сборщиком податей в Кале, и сначала по собственной охоте помогал ему в должности, а потом по увольнении Нэнфэна за старостью занял его место. Это обстоятельство сблизило Уолси со статс-секретарем Ричардом Фоксом, доложившим вскоре королю Генриху VII об усердии и исправности нового сборщика податей. Король, особенно любивший финансистов и судивший о людях по степени пользы, ими приносимой государственной казне, пожелал видеть Уолси и принял его к себе на службу для особых поручений. Сначала тот был послан в Брюссель к императору Максимилиану по важному секретному делу и, успешно выполнив все возложенное на него королем, возвратился так скоро, что последний не мог поверить глазам. «Вы были в Брюсселе? – воскликнул он, принимая ответную грамоту. – Но как же так скоро? Три дня тому назад я только отправил к вам курьера…» – «Я встретил его на моем обратном пути!» – скромно ответил Уолси. За это король пожаловал его саном своего милостынераздавателя и деканом Линкольнского собора. При воцарении Генриха VIII Томас Уолси был, несмотря на духовное свое звание, первым вельможей двора

и в самое короткое время сделался любимцем и другом короля. Одного слова Уолси было достаточно, чтобы подвергнуть придворного опале или возвести его в новый чин… Так лишились места статс-секретари Серрей и Фокс – бывший его покровитель. Вскоре по воцарении Генриха VIII Уолси сделан был членом Государственного совета, наконец – канцлером (1510).

Война, свирепствовавшая в Южной Европе в первые годы XVI века, велась без участия Англии. Генрих VIII при восшествии своем на престол подтвердил мирные договоры с соседними державами, особенно с Францией. Папа Юлий II, для которого вспомогательные французские войска были неприятным бременем, решил отделаться от их невыгодного содействия и для этого старался привлечь на свою сторону английского короля… Начав, как водится, с задабривания по всемирной пословице – маленькие подарки поддерживают дружбу, – Папа прислал королю золотую розу вместе с титулом *христианнейшего* и выражением скромного желания принять участие в судьбах церковной области. Генрих повел дело путем мирных переговоров: отправил Людовику XII чрезвычайное посольство с ходатайством за угнетаемого Папу и с предъявлением прав Англии на французские области Нормандии, Гюйенны, Анжу и Мэн. Ответ был отрицательный, и началась война. Генрих VIII, вступив в союз с Испанией, прославил себя несколькими воинскими подвигами, приняв личное участие в действиях. Оставив Екатерину Арагонскую правительницей королевства, он в сопровождении неизменного Уолси отправился в армию. Битва и победа при Гинегате, высадка во Франции, осада и взятие Теруанны и Турнэ – срытых до основания, – поражение шотландских войск при Флоуденфильде, где король Яков IV, союзник Людовика XII, лег костьми, – снискали Генриху VIII живейшую благодарность Папы Льва X, выраженную присылкою освященных тока, шпаги и титула *защитника церкви.* Эти любезности Папы не помешали другим его союзникам – испанцам – вступить в тайные переговоры с враждебной ему Францией. Узнав об этом коварстве, Генрих VIII отступился от Папы и вошел со своим недавним врагом Людовиком XII в самые дружественные сношения, скрепленные браком сестры короля английского Марии с королем французским 7 августа 1514 года. Уолси был тогда утвержден договорившимися в сане епископа Турнэ – города французского, англичанами завоеванного.

Преемник Людовика XII Франциск I подтвердил мирный договор с Англией, выхлопотал у Папы для Уолси кардинальскую шапку, но вместе с тем нанес жестокий удар непомерному его самолюбию, сложив с него сан турнейского епископа.

За это кардинал отомстил королю французскому, восстановив против него Генриха VIII, особенно после победы Франциска I при Мариньяно. Генрих помогал императору германскому субсидиями и вообще выказывал к Франциску отношения неприязненные. Король французский, зная, что это следствие происков кардинала, заискивал, льстил и всеми путями старался заслужить его расположение. Началась борьба Франции с Австрией, Франциска I с Карлом V, и, несмотря на родство (Карл был родным племянником Екатерины Арагонской), Генрих VIII сохранял самый благоразумный нейтралитет. Стараясь однако же привлечь дядю в союзники, Карл V обещал кардиналу Уолси папскую тиару и посох первосвященника римского! Тогда дела приняли другой оборот. Генрих VIII и Франциск I свиделись в «парчовом лагере» (camp de drap d'or) 7 июня 1520 года, где пировали самым дружеским образом семнадцать дней, обмениваясь ласками и любезностями. Этот «парчовый лагерь» можно было назвать позолоченной пилюлей, которую кардинал Уолси готовил королю французскому: Генрих, расставшись с ним, виделся с Карлом V, которому обещал свое содействие. В самое это время Южную и Среднюю Европу возмутило появление Реформации, угрожавшей папской власти и заставившей дрожать доныне непоколебимый престол римский. Король английский, приняв сторону Папы Льва X, написал и послал в Рим книгу, заключавшую в себе громовое опровержение еретического Лютера и защиту *семи таинств.* Книга эта, на две трети наполненная текстами и цитатами из сочинений Фомы Аквинского, привела Льва X в восторг, и державный автор удостоился получить от его святейшества за подписью двадцати семи кардиналов диплом на титул *защитника веры.* Союз с Карлом V был делом решенным, и Генрих VIII приступил к приготовлениям к войне, но тут явилось самое естественное препятствие: в казне не было денег – ее истощили пиры и праздники, на которые был так щедр английский король в первые годы своего царствования! Пришлось прибегнуть к чрезвычайным мерам. Сделав перепись имущества, верноподданных его величества обложили податью: мирян в 1/10, духовников в 1/4 долю общей стоимости движимого и недвижимого… Этого оказалось мало, и кардинал Уолси от имени короля потребовал у парламента взаймы на военные издержки 800 тысяч фунтов. Требование это было отвергнуто большинством голосов. Раздосадованный Генрих на другой же день потребовал к себе главного коновода оппозиции, и когда тот по этикету преклонил перед ним колени, король очень ласково поздоровался с ним и в то же время, положив ему руку на плечо, внятно прошептал:

– Если завтра же вы, милейший мой, и все подобные вам упрямцы не подадите голосов за выдачу требуемой мною субсидии – всем головы долой!!

Сверкнув глазами и тряхнув рыжей головой, этот лев, впервые выпустивший когти, дал понять несчастному члену парламента, что он не шутку шутит… На другой же день 800 тысяч фунтов лежали в государственной казне. С их помощью английские войска заняли Пикардию.

И весь этот грабеж, и все приготовления к войне были плодами честолюбия кардинала Уолси, по чужим головам взбиравшегося до обещанной ему папской тиары!..

Пробил давно желанный час: смерть Папы Льва X (19 ноября 1521 года) открыла вакансию на престол первосвященни-ческий. Уолси, не теряя времени, послал в Рим своего секретаря Писа *(Peace)* с поручением интриговать, задаривать, задабривать членов конклава… Но как ни торопился усердный Пис, он по прибытии в Рим нашел на престоле нового Папу, Адриана VI, и все радужные надежды кардинала Уолси лопнули как мыльный пузырь. Делать было нечего; пришлось покориться враждебной судьбе и ждать с прежним нетерпением, питаясь новыми надеждами, приправленными льстивыми обещаниями Карла V.

Адриан VI царствовал с небольшим год, и, таким образом, Уолси ждал недолго. На этот раз французские кардиналы, бывшие на конклаве, заявили, что Уолси как иноземец не знает Рима, что невозможно совместить ему в своем лице должности канцлера английского и Папы Римского, что, наконец, он, радея единственно об интересах своего отечества, едва ли будет заботиться об интересах церкви… Словом, Уолси был забракован, и в папы избрали Климента VII из дома Медичи.

На этот раз бешенству кардинала Уолси не было предела! На французских кардиналов он едва негодовал: от врагов Англии нечего было ожидать поддержки, – но императору германскому Карлу V грешно, стыдно, бессовестно было водить кардинала за нос или обещать ему то, что Карл V не в силах был исполнить. Ему Уолси отомстил вдвойне союзом Генриха VIII с Франциском I и впоследствии разводом того с несчастной Екатериной Арагонской. Надобно заметить, что в эту эпоху кардинал Уолси был на высоте своего величия. Он управлял почти всеми епархиями королевства, получая соответствующие доходы; пользовался пенсиями от Папы и императора германского; с титулом кардинала a latere[2] имел право ежегодно возводить без папского разрешения пятьдесят человек в достоинство рыцарское, столько же – в графское и сорок – в апостольско-нотариальное; кроме того, мог (опять же без предварительного разрешения

Папы) узаконивать незаконнорожденных, расторгать браки, давать индульгенции, преобразовывать уставы монастырей и даже упразднять их. Доходы кардинала равнялись королевским; он имел собственных телохранителей, особый придворный штат, в котором состояли графы, бароны, знатнейшие рыцари, а в пажах – юноши первейших аристократических фамилий… Между последними находился лорд Перси, сын герцога Нортумберленда. Число придворных кардинала простиралось до восьмисот человек. Когда он в качестве посланника посетил Франциска I, в торжественном кортеже вели тысячу превосходных коней из его собственной конюшни. Во дворце Хэмптон-Корт, кроме золотой и серебряной посуды, ковров, картин и драгоценностей всякого рода, хранилось сто восемьдесят одних шелковых постелей… В духовных процессиях несли знаки кардинальского достоинства на парчовых подушках; шляпу свою при богослужении кардинал клал на престол и все обряды церковной службы совершал по чину самого Папы. Наконец, Уолси первый из архиепископов Кентерберийских употреблял при облачении парчу, глазет и украшался драгоценностями. «Если Климент VII – Папа Римский, – мог сказать кардинал себе в утешение, – так я Папа Английский!»

Охладив короля к интересам его племянника, Карла V, кардинал Уолси без труда уговорил Генриха VIII выказать свое сочувствие Франциску I, бывшему тогда в плену у императора после несчастной битвы при Павии (1525). Генрих своеручно писал Луизе Савойской, чтобы она, радея об интересах Франции, не уступала Карлу V ни пяди земли и не входила с ним ни в какие соглашения. Эта, по-видимому, бескорыстная внимательность тронула Франциска, и следствием ее был мирный договор 8 августа 1526 года Франции с Англией и разрыв последней с Австрией. Повредив Карлу V с этой стороны, кардинал Уолси начал свои интриги с другой.

Екатерина Арагонская, честнейшая жена и прекрасная мать, была старее Генриха VIII пятью годами. Эта разница, неприметная в первые годы супружества, стала обнаруживаться впоследствии, когда королева приблизилась к старческому возрасту, а король был во всем цвете мужества, при полном развитии страстей неукротимых. Восемнадцать лет прожил он с женою в добром согласии, заменив страсть уважением, дружбой, привычкой. Бывали в течение этого времени случаи неверности со стороны мужа, но все эти мимолетные страстишки так же скоро гасли, как скоро вспыхивали, и Генрих ими не довольствовался. Сердце его томилось какой-то нелепой, идеальной страстью и искало женщину, к которой бы оно могло привязаться надолго.

Охлаждение короля к Екатерине не могло ускользнуть от внимания кардинала, и мысль разлучить короля с его женой зрела и развивалась в уме честолюбца. Екатерина была звеном, связывавшим Генриха VIII с Карлом V, и звено это, по соображениям Уолси, необходимо было порвать навеки. Улучив минуту раздумья короля над его супружеской жизнью, кардинал очень тонко повел речь о браке с точки зрения богословия и постепенно довел короля до сознания, что брак на жене родного брата и сожительство с нею есть дело противозаконное. Так внушена была Генриху VIII первая мысль о разводе и расторжении брака после чуть что не двадцатилетнего сожительства. Король в виде запроса сообщил ее Паччи, декану собора Св. Павла, а сам между тем стал соображать, подыскивать статьи закона духовного и остановился на двух статьях закона Моисеева (Левит, гл. XVIII, ст. 16 и гл. XXV, ст. 5), прямо осуждавших вступление в брак лиц, состоящих именно на той степени родства, как он, Генрих, и его супруга. Вспомнил он и свой протест, писанный по приказанию покойного Генриха VII (27 июня 1505 года): двадцать лет тому назад он повиновался отцу, не понимая сущности дела; шестнадцать лет тому назад, смеясь над ним, вел Екатерину к алтарю… но теперь самый этот протест казался ему вполне законным и основательным. Готовясь на дело возмутительное, король был похож на механика, складывающего сложную машину; все части ее были собраны, приводы натянуты, оставалось только дать первый толчок двигательной силе, таящейся в колесах и шестернях…

Толчок этой адской машине был дан прелестной, белоснежной ручкой одной из тех презренных женщин, которых сама преисподняя посылает в семейства для разрушения согласия, для посева раздора и преступлений. Этим гнусным существом была прославленная романистами и оперными композиторами Анна Болейн,[3] признаваемая чуть не мученицей людьми сентиментальными, имеющими дурную привычку к каждой исторической личности, погибшей на эшафоте, относиться с каким-то ребяческим мягкосердием. Эшафот был самым справедливым возмездием Анне Болейн – не столько за ее распутства (она была дочерью своего века), сколько за ее происки для достижения престола, ее глумления над свергнутой Екатериной, за те позорные страницы, которыми она запятнала летописи Англии. Анна Болейн, которую всего вернее можно охарактеризовать нашим метким простонародным прозвищем *проходимки,* принадлежит к числу тех многих псевдогероев и псевдогероинь, на которых потомство глядит с превратной точки зрения наперекор законам оптики, превращающей этих господ и

госпож из пигмеев в исполинов по мере их удаления от нас на расстояние трех-четырех веков… Это те же театральные декорации, издали чарующие зрение, а вблизи оказывающиеся грубо размалеванными кусками парусины. Эшафот, на котором погибла Анна Болейн, мог примирить с ней ее современников, но суд потомства обязан быть беспристрастным; ему не след при произнесении приговора над памятью злодейки принимать во внимание «смягчающие вину обстоятельства», то есть томные глазки и смазливое личико.

С кем вздумала соперничать и кого, благодаря своему лукавству, победила Анна Болейн? С дочерью короля, с законной женой своего государя; она победила честную, прекрасную женщину… Она, будучи демоном, убила этого ангела и, как площадная плясунья, плясала и кривлялась над могилой усопшей соперницы, наряжаясь в ее корону и путаясь в складках еще не простывшей, с королевы сорванной порфиры. В наше время не бывает разве примеров измены мужа, который, мирно и согласно прожив со своей женой двадцать лет, меняет ее и всю семью на какую-нибудь горничную и, обзаведясь новым, побочным семейством, делается рабом недавней служанки? Эта самая история была с Генрихом VIII и Анной Болейн. С его стороны главную роль играла чувственность, искусно разжигаемая притворным целомудрием; с ее стороны – самое утонченное кокетство, расчет и лукавство. Самозванцы обольщали народ наружным сходством с государями; Анна Болейн обольстила Генриха VIII маской стыдливости, невинности, придававшей ей вид женщины добродетельной, тогда как на самом деле Анна была развратницей, в чем может убедить нас нижеследующий биографический очерк.

Семейство Болейн, состоявшее из отца Томаса Болейна, матери (урожденной графини Норфолк), сына и двух дочерей, пользовалось незавидной репутацией. Мать и старшая дочь одно время при содействии сына и брата пользовались благосклонностью короля, хотя и непродолжительной. Младшая дочь Анна (родившаяся в 1500 году) в четырнадцать лет сопровождала принцессу Марию, невесту Людовика XII, во Францию, где провела первые годы юности, меняя и госпожей и поклонников. После отъезда Марии в Англию Анна Болейн была принята фрейлиной к супруге короля Франциска I, Клавдии Французской; после ее смерти, в 1524 году, к его сестре – герцогине Алансонской. Нравственность двора того времени известна читателю; мы не будем входить в грязные подробности, но не можем не сказать, что из всех придворных едва ли могла отыскаться под пару Анне Болейн другая, которой бы так хорошо

пошли впрок уроки кокетства и свободы обхождения… Красавица удивляла своей наглостью самых отчаянных бесстыдниц, и молва о ее подвигах немало обогатила устную соблазнительную хронику того времени. Вернувшись в Англию, Анна поступила в штат королевы Екатерины Арагонской (1527) и мгновенно преобразилась из прежней красавицы легкого поведения в скромницу, смиренницу такую, что и водой не замутишь. Стыдливо потупленные глазки, румянец, появлявшийся на щеках при мужском взгляде или неосторожном слове, тихий, мелодичный голос очаровали Генриха VIII с первой же его встречи с новой фрейлиной, и он не замедлил объясниться в полной уверенности, что Анна не будет с ним упрямее своей матери и старшей сестры. К совершенному удивлению и пущему обольщению короля, Анна отвечала ему суровым отказом, весьма основательными укорами и стереотипными нравоучениями, которых, заметим, истинно честная и невинная девушка и читать-то никогда не станет в ответ на страстное признание… Ослепленный король не сумел, однако, отличить этой поддельной добродетели от настоящей. Фразы Анны Болейн, вроде следующих: «Я ваша верноподданная, государь, но не более…» или: «Любить я могу и буду любить только мужа…» – вскружили ему голову окончательно, и он, тогда помышлявший уже о расторжении своего *брака,* решился приступить к осуществлению этого замысла и покупке любви Анны Болейн ценою короны. Два года длилась эта интрига – безукоризненная, пока совершенно платоническая, и в это же время готовились Генрихом необходимые документы для развода с супругой. Начало позорному процессу сделали кардиналы a latere Уолси и Компеджио, предложившие королеве удалиться в монастырь, так как брак ее и сожительство с мужем были делом противозаконным… Королева отвечала отказом, Папа Римский медлил с решительным ответом. 21 июня 1529 года состоялось первое заседание суда над королевой. Ложные свидетели в числе 37 человек (почти все родные или клевреты Анны Болейн) обвинили Екатерину в нарушении супружеской верности, духовные лица упоминали о кровосмешении, так как она, будучи вдовой одного брата, вышла за другого; король и гражданские судьи ссылались на его протест 1505 года, и общий говор принуждал королеву, сложив с себя свой сан, удалиться в монастырь. Безвинно позоримая, унижаемая, но еще не униженная, Екатерина Арагонская сказала со всем величием правоты:

– Что я в течение двадцатилетнего супружества была верна супругу и государю, это он может подтвердить и сам. Брак наш

был разрешен святым отцом – Папою именно потому, что я не разделяла ложа со старшим братом короля, но чистой девственницей, со спокойной совестью пошла с ним к алтарю. Отвечать согласием на предложение поступить в монастырь я не могу до тех пор, пока не получу ответа от родных моих из Испании и от его святейшества из Рима.

Заседание было прервано. Большинство судей поняли, что суд неправый, противный законам Божию и гражданскому. Когда король после того объявил кардиналу Уолси о своем намерении жениться на Анне Болейн, временщик, упав на колени, со слезами заклинал его не унижать так ужасно достоинства королевского и взять себе в супруги сестру французского короля или Ренату, дочь покойного Людовика XII. Этот протест раздосадовал Генриха VIII, и он, разумеется, не замедлил сообщить о нем своей возлюбленной. Прелестная, грациозная Анна Болейн с яростью фурии потребовала увольнения кардинала Уолси от всех его высоких должностей, предлагая на его место Крен-мера, капеллана своего почтенного родителя. Падение Уолси было решено, однако же Генрих не увольнял его, ожидая ответа из Рима. Ответ вскоре пришел: Папа признавал брак короля с Екатериной Арагонской законным и нерасторжимым. Тогда-то Генрих VIII все свое бешенство излил на кардинала, уволив его со службы и предав суду за превышение власти, казнокрадство и множество преступлений (вымышленных), изложенных в 45 пунктах обвинительного акта. Личным врагам кардинала, герцогам Норфолку и Суффолку, было поручено присутствовать в следственной комиссии и при конфискации всего имущества недавнего королевского любимца… Разоренный, униженный, убитый, Уолси отправился в изгнание в одну из беднейших епархий. В дороге его нагнал Норрис, камердинер короля, нарочно посланный, чтобы передать от Генриха несколько слов утешения, и бедный временщик сошел со своего коня, преклонил колени посреди грязи перед королевским посланным, смиренно прося поблагодарить его величество за эту последнюю милость.

По мере своего удаления от столицы изгнанник, еще недавно выказавший жалкое малодушие, свойственное каждому павшему временщику, мужался и успокаивался. По приезде к избранному им самим месту своего пребывания, преобразованный в убогого благочинного, Уолси и душевно преобразился к лучшему, посвятив себя служению Богу и страждущим. Он посещал бедных и больных, принося им помощь и утешение, заботился о воспитании детей, о нуждах поселян, таким образом, искренними слезами и христианскими подвигами заглаживая свои проступки во времена своего могущества. Любовь и уважение паствы,

принятой кардиналом на свое попечение, возбудили ревность в Анне Болейн и Генрихе VIII; они поняли, что и в изгнании своем Уол-си нашел свою долю счастья и мир душевный, заменивший ему все недавние сокровища, а король и его любовница желали отнять у него все, может быть, даже и самую жизнь! Недолго было настрочить на бывшего канцлера новое обвинение, на этот раз в государственной измене, и вызвать его в Лондон для заточения в Тауэр, из которого была одна дорога – на эшафот. Герцогу Нортумберленду, тому самому, который двадцать лет тому назад за счастье почитал отдать своего сына в пажи кардиналу, было препоручено привезти пленника. Последний путь кардинала из его епархии в Лондон был его торжеством, вполне заслуженным, далеко оставившим за собою те пышные процессии с их мишурным блеском, на которых он первенствовал когда-то. Во всю дорогу до Лейчестера народ, теснясь по окраинам и провожая своего доброго пастыря, напутствовал его благословениями и осыпал теплыми выражениями душевной благодарности. В Лейчестере кардинал заболел изнурительным поносом и остановился в тамошнем монастыре в предчувствии близкой смерти, прося окружающих похоронить его в стенах этого последнего своего прибежища. Бывший при нем смотритель Тауэра Кингстон, тронутый его страданиями, телесными и душевными, стал утешать и успокаивать его.

– Я у гроба, – отвечал Уолси, – не обнадеживайте меня ни милосердием короля, ни его вниманием к моим прежним заслугам… Напомните ему от моего имени о том, как часто я предостерегал его от покорства страстям, от увлечений и зачем он не послушал меня?… Скажите ему еще, – продолжал умирающий, – что я искренне сожалею, зачем Богу не служил я так, как служил королю? Господь не обидел меня на старости лет. Он был милосерден к своему верному служителю…

Кардинал Уолси умер 29 ноября 1530 года. При известии о его смерти Генрих VIII заплакал и воздал должную справедливость памяти честолюбца, жизнью своей явившего не первый и не последний пример превратности судеб временщика – пример, из которого, впрочем, ни один временщик последующих времен не извлек для себя предохранительного нравоучения. Во время могущества кардинала Уолси его боялись все сословия, но и проклинали почти все. Духовенство католическое негодовало на него за дело о разводе короля, протестанты – за преследования, монахи досадовали на кардинала за его лихоимство, дворяне – за темное его происхождение, народ – за обременительные налоги. Одно только ученое сословие, пользуясь покровительством временщика, могло сказать о нем

доброе слово. Стараниями кардинала Уолси в Оксфордском университете было учреждено семь кафедр, была основана коллегия Христа; Ипсвичский университет был обязан ему многими преобразованиями и существенным улучшением быта студентов.

Екатерину Арагонскую теснила с престола Анна Болейн, вакантное место фаворита при Генрихе VIII занял клеврет последней – Кренмер. Решительный ответ Папы Климента VII не отклонил Генриха от его намерения развестись с супругою, и он, по советам Кренмера, перенес свое дело на рассмотрение суда гражданского или, правильнее, ученого. Вопрос о законности брака передан был Кренмером на рассмотрение всех европейских университетов. Это явное неуважение к воле римского первосвященника вызвало ропот негодования со стороны духовенства. Король, признавая католическое вероисповедание главенствующим в Англии, начал именоваться в документах *покровителем и верховным главою церкви англиканской,* чем сделал первый шаг к отходу от власти Папы Римского; кроме того, в присягу он ввел новый и еще небывалый термин: «на сколько дозволяет закон Христов». Последнее уже носило на себе явный отпечаток лютеранского учения, в глазах Климента VII и всего католического мира не могло не показаться ересью, но именно для отклонения от себя подобного упрека Генрих VIII преследовал лютеран и в 1531 году, по примеру католических государств, сжег на костре трех последователей нового учения Лютера. Положение короля было самое скандальное: с женою он расстался без формального развода, с Анною Болейн, пожалованной титулом маркизы Пемброк, сожительствовал без брака. В 1532 году при свидании своем в Булони с Франциском I Генрих VIII представил ему Анну как невесту. Король французский как нельзя любезнее обошелся с бывшей фрейлиной своей жены и сестры (говорили даже – бывшей своей любовницей) – будущей королевой; подарил ей драгоценный бриллиант и обещал свое ходатайство у Папы Римского о разрешении Генриху вступить с нею в брак. Со своей стороны, король английский, видимо довольный новым, собственного изобретения титулом «главы англиканской церкви», предлагал и Франциску I последовать его примеру, назвавшись «главою церкви галликанской». По возвращении в Англию Генрих, не дожидаясь папского разрешения, тайно обвенчался с Анной Болейн (14 ноября), бывшей тогда уже в интересном положении. 23 мая 1533 года Кренмер, архиепископ Кентерберийский, объявил брак короля с Екатериной Арагонской недействительным и расторгнутым, а через пять дней Анна Болейн была признана

законной супругой и коронована. Екатерине был оставлен титул герцогини Уэльской; дочь ее Мария (родившаяся в 1510 году) могла быть наследницей в том только случае, если у отца ее не было бы детей мужского пола от второго брака; жилищем развенчанной королеве-супруге вместе с дочерью назначен монастырь Эмфтилль, в Дунстэбльшире. Королева отвергла все эти предложения, на которые Папа Римский Климент VII отвечал, в свою очередь, угрозой отлучить от церкви короля-самоуправца. Франциск вымолил Генриху прощение с тем условием, чтобы он явился с повинной в Рим, о чем и сообщил Генриху нарочный посол от короля французского – Жан Беллэ. Генрих обещал. Папа уведомил его, чтобы он в определенный срок дал письменный ответ, и Генрих не дал никакого. Тогда негодующий римский первосвященник 22 марта 1534 года обнародовал буллу, отлучившую Генриха от церкви и лишающую прав законной жены и дочери Анну Болейн и новорожденную Елизавету… Король, как бы издеваясь над Папою, указом объявил брак свой с Екатериной недействительным, а дочь ее Марию незаконной и отрешенной от всех прав на престолонаследие.

Преемником Папы Климента VII был Павел III (13 сентября 1534 года), доброжелатель короля английского, примирение которого с Римом было еще делом весьма возможным; но Генрих VIII уже осуществлял великую идею отпадения от Папы, присвоив себе окончательно духовную власть, именуя в документах Папу Римского «епископом», упраздняя монастыри и конфискуя их имущество в государственную казну.

Тем временем Екатерина Арагонская, приближаясь к гробу, написала королю письмо, в котором излилась ее кроткая, незлобливая душа и выразились прекрасные чувства, которыми эта святая женщина отличалась всю свою жизнь. Письмо было отправлено из замка Кимбэлтона, последнего местопребывания Екатерины.

«Я приближаюсь к смертному часу, – писала она, – и любовь, которую я все еще чувствую к вам, государь, побуждает меня умолять вас озаботиться о спасении души вашей и предать забвению все плотские и житейские попечения. Повинуясь побуждениям страстей ваших, вы ввергли меня в пучину великих бедствий и сами на себя навлекли не меньшие тревоги и заботы… Я все забываю, государь, и молю Господа: да предаст Он забвению все, что было! Поручаю вам дочь нашу Марию и заклинаю вас: будьте ей добрым отцом – в этом единственное мое желание. Не оставьте также моих фрейлин, которые не будут вам в тягость – их только три. Прикажите выдать годовой оклад жалованья всем лицам, бывшим при мне в услужении, иначе они останутся без

куска хлеба…»

Далее умирающая выразила желание увидеть своего короля и мужа и в подписи назвалась его женою. Генрих, читая письмо, плакал – раскаяние и жалость его были, может быть, тем искреннее, что Екатерина на следующий день (6 января 1535 года) скончалась. Львиное сердце короля было тронуто; о королеве сожалели все, самые ее недоброжелатели, кроме прелестнейшей Анны Болейн, которая имела бесстыдство оказать самую живейшую радость при вести о кончине соперницы и вырядиться умышленно в цветное платье, когда по повелению короля при дворе был наложен траур, а по церкви воссылались моления об упокоении души усопшей королевы Екатерины.

Не будем особо останавливаться на великой религиозной реформе, совершавшейся в это время в Англии при ревностном содействии королю Кренмера, Томаса Кромвеля и многих других. Томас Морус, Форест и Джон Фишер, духовник покойной королевы, пали на эшафоте, отстаивая католицизм или, лучше сказать, папскую власть. Наступило царствование ужаса, не прекращавшееся до самой кончины Генриха VIII в 1547 году. В течение семнадцати лет число жертв деспота достигло почтенной цифры – *семидесяти трех тысяч восьмидесяти семи человек,* казненных, запытанных, умерших в темницах. В этом числе, при раскладке его по сословиям, находились: два кардинала, двадцать с одним духовных лиц в сане епископов и архиепископов, тринадцать аббатов, сто каноников и докторов богословия; герцогов, графов и баронов – сорок один человек; триста дворян, сто десять знатных женщин и семьдесят две тысячи простых граждан. Эти цифры, кажется, не нуждаются в комментариях!

Милая грациозная Анна Болейн в это время (1535 год) резвым мотыльком порхала на празднествах, не обращая внимания ни на кровь, ни на костры, ни на вопли казнимых и истязуемых. Этот демон в образе женщины не занимался подобными пустяками, избрав целью дальнейшей своей жизни веселье и удовольствия. Надев на себя корону, Анна в то же время сняла маску и из застенчивой скромницы превратилась в ту вольного обхождения красавицу, каковою была при дворе Франциска I десять лет тому назад. Существенная разница была только в том, что тогда за нею ухаживали мужчины, а теперь она окружила себя целой свитой придворных красавцев, между которыми особенно были заметны родной ее брат лорд Рочестер, Норрис, Брартон, Уэстон и некто Смиттон, миловидный юноша, забавлявший королеву игрой на лютне. Королева со своими любимцами обходилась без чинов, в полной уверенности, что супруг ее эту наглость сочтет наивностью; но выскочка королева

забывала то, что в ее годы немножко поздно разыгрывать из себя наивную девочку. Генрих хмурился, и ласки его были уже не те, что года четыре назад… Анна ему надоела, а после рождения ею мертвого урода окончательно опротивела, и король в кругу придворных девиц уже избрал себе новую подругу в лице красавицы

Джейн Сеймур. Анна Болейн вздумала было выказать ревность и на все упреки получила в ответ ледяной, бесстрастный взгляд не мужа, но властелина. В этом взгляде более проницательная женщина могла бы угадать угрожавшую ей участь, могла бы понять, что лев близок к бешенству…

Анна вздумала еще подразнить его. На турнире, данном 21 мая 1535 года, королева, сидя в своей ложе, нечаянно – а может быть, умышленно – уронила свой платок перед проезжавшим мимо нее на коне Норрисом. Тайный ее любимец был настолько неблагоразумен, что, подняв платок, не возвратил его королеве, а отер им свое лицо. Генрих VIII, встав со своего места, пристально посмотрел на жену и, не говоря ей ни слова, уехал во дворец. На другой же день по его повелению были арестованы королева, ее брат и все вышепоименованные любимцы. Анна от ужаса впала в помешательство: то смеясь, то заливаясь слезами, она проклинала Норриса, предрекая погибель ему и себе самой; умоляя стражу, охранявшую ее в Тауэре, допустить ее к королю, звала дочерей своих Елизавету и Марию. Обвинительный акт гласил, что королева Анна с сообщниками злоумышляла на жизнь короля-супруга, что поведение ее было всегда более чем предосудительно не только до замужества, но и после; что, наконец, между ее сообщниками находятся лица, с которыми она состоит в преступной связи. Начались пытки и допросы. Музыкант Смиттон сознался в том, что пользовался неограниченной благосклонностью Анны Болейн и трижды бывал у нее на тайном свидании; прочие упорно молчали. Позор Генриха VIII был полный и неизгладимый! Для обвинения покойной Екатерины Арагонской нужны было клеветники и лжесвидетели; для Анны Болейн это было вовсе не нужно, так как достаточно было одной правды. Архиепископ Кренмер, ее креатура, писал королю в ее защиту, и надобно отдать справедливость – весьма неловко. «Подражайте Иову, государь, – говорил Кренмер в своем послании, – Бог сторицей наградил его за покорность своему жребию, точно так же Он воздаст и вам. Супругу вашу уличают в нарушении верности, и это, бесспорно, великое бесчестие, но бесчестие лично *ее, а* отнюдь не ваше».

Защита Кренмера не привела ни к чему; судопроизводство шло своим порядком, и 17 мая 1536 года следственная комиссия

из двадцати пэров королевства, признав бывшую королеву Анну Болейн виновной, а равно и сообщников ее, постановила: преступницу казнить смертью, *по усмотрению короля,* сожжением на костре или четвертованием; брату ее с тремя сообщниками отрубить головы; музыканта Смиттона повесить. Тела пятерых казненных разрубить на части и выставить на позорище народу и в назидание злоумышленникам. Брак короля, по определению архиепископа Кренмера, объявить недействительным; дочерей его, рожденных Анною Болейн, Елизавету и Марию, признать незаконными.

Выслушав приговор, Анна по примеру закоснелых преступников, желая затянуть дело, припутав к нему новую кляузу, объявила, что в числе членов комиссии находится лорд Перси, герцог Нортумберленд, тайно с нею обвенчанный еще до выхода ее замуж за короля. Она рассчитывала на то, что судьи, приняв эту выдумку за правду, снимут с нее обвинение в измене Генриху VIII, только бедная интриганка жестоко ошиблась в расчете. Перси в дворцовой капелле торжественно поклялся, приобщаясь святых тайн, что все его отношения к королеве до ее замужества ограничивались ласками, никогда не преступавшими пределов благоразумия… Уведенная в Тауэр, Анна Болейн предалась самому малодушному отчаянию. Как то было с нею год назад, началась истерика со странным бредом, и, вероятно, непритворным. Накануне казни 19 мая 1536 года она попросила к себе жену коменданта Тауэра и, упав перед нею на колени, рыдая, сказала ей: повидайте принцессу Марию, дочь покойной королевы Екатерины, точно так же на коленях вымолите у нее прощение мне за все обиды, причиненные мною ей и ее несчастной матери!..

Ночь, предшествовавшую дню казни (20 мая), Анна провела без сна и с самого раннего утра до прибытия к эшафоту тем более падала духом, чем ближе наступала роковая минута. Сначала Анна молилась вслух задыхающимся голосом, потом принималась хохотать, затем впадала в оцепенение или глубокое раздумье. В эти страшные минуты она, между прочим, вдруг очень спокойно стала говорить окружающим, что палач – мастер своего дела и мучить ее долго не будет. «Топор острый и тяжелый, – заключила она, – а шейка у меня такая нежная, тоненькая…» И опять раздирающие душу рыдания и вопли.

Одни историки говорят, будто Анна Болейн шла на место казни мужественно и сложила голову на плахе с величием праведницы; другие, напротив, – будто бы малодушие ее перешло в ярость, и, осыпаемая проклятиями присутствовавшего народа, она сказала ему: «Королевой жила, королевой и умру, хотя бы вы

все лопнули с досады!» Которое из двух сказаний правдивее, решать не беремся; что же касается разночтений у историков, причина их весьма проста: память Анны благословляли протестанты, проклинали католики.

Четыре друга королевы были обезглавлены в тот же день; горло музыканта Смиттона, издававшее когда-то нежные, мелодичные звуки под аккомпанемент лютни, было затянуто позорной петлей на виселице. Церемониал мрачной процессии на казнь был начертан собственной рукой Генриха VIII; палач был нарочно выписан им из Кале… В Ричмондском парке доныне показывают пригорок, на котором король стоял, ожидая вести о совершении казни своей второй, незаконной супруги.

На другой же день после казни он обвенчался с Джейн Сеймур. Эта личность, подобно Анне Болейн, большинству образованного мира представляется в весьма ложном свете, и в этом случае опять виноваты романисты, авторы мелодрам и композиторы. Анну они изображают обыкновенно угнетенной невинностью, тогда как на деле было совсем наоборот; Джейн Сеймур – злой интриганкой, клеветницей и лукавой кокеткой, происками своими погубившей свою жертву, – и это чистейший вздор. Красавица Сеймур была девушка тихая, кроткая, покорная воле тирана и всего менее домогавшаяся короны, снятой с обезглавленной Анны Болейн. Надобно предполагать в этой женщине неестественное мужество и геройскую смелость, чтобы допустить с ее стороны возможность домогательства короны, когда перед ее глазами только что разыгралась кровавая катастрофа, оборвавшая жизнь другой женщины, путем интриг достигшей престола и свергнутой с сего, чтобы взойти на эшафот. Дрожа от ужаса, Джейн Сеймур шла к алтарю со своим державным женихом, и не на радость ей был сан королевы, в который он возводил ее; не ослепляли ее ни блеск короны, ни багрянец порфиры, служившей гробовым покровом первой жены короля и обрызганной кровью второй. Она не могла любить Генриха как мужчину (в это время он был обрюзглым, чудовищной толщины субъектом, страдавшим одышкой), но настолько боялась его, что не осмеливалась и думать об измене. Во все кратковременное ее замужество Джейн не покидала мысль, что супружеское ее ложе воздвигнуто на гробнице Екатерины Арагонской и на плахе Анны Болейн.

Эта мрачная обстановка хуже всякого дамоклова меча могла отравить и, вероятно, отравила существование третьей жены Генриха VIII, которая не успела надоесть ему и унесла за собою в гроб (24 октября 1537 года) его искреннее сожаление, подарив ему наследника – Эдуарда.

Четвертый брак короля английского, в который он вступил через два года с небольшим после смерти Джейн Сеймур, можно назвать смешным фарсом, разыгранным Генрихом VIII после трагедии. На этот раз король решил взять себе в супруги не подданную, но принцессу одного из владетельных домов Европы. Политические соображения почти не руководили им; он искал жену себе по вкусу и для этого окружил себя портретами разных принцесс, заочно сравнивая и выбирая. Хотя живопись и называют художеством «свободным», тем не менее она имела тогда, как имеет и теперь, два существенных недостатка: или рабски подражает подлиннику, или рабски ему льстит, особенно если подлинник – особа женского пола. Художник, изобразивший на холсте черты принцессы Анны Клевской, на которую пал выбор Генриха VIII, долгом себе поставил польстить ей и вместо дебелой девы, ростом и дородностью способной поспорить со своим массивным женихом, изобразил чуть не Юнону – волоокую, с выражением на лице томной неги, едва ли когда оживлявшей круглое, как полнолуние, лицо принцессы. Плененный портретом, Генрих послал формальное посольство сватов за оригиналом, и Анна прибыла в будущие свои владения в январе 1540 года.

– Что это за фламандская *кобыла?*– сказал король окружающим после первого же своего свидания с новой королевой. – Бог с ней; я ее видеть не могу!..

Неизвестно, дошел ли этот отзыв до ушей флегматической Анны, но если бы и дошел, едва ли она была способна обидеться. Полгода Генрих, однако, сожительствовал с нею и, наконец, решил развестись. На оскорбительное предложение короля о расторжении брака и замене титула королевы титулом приемной сестры с приличной пенсией Анна отвечала самым простодушным согласием. Брак был расторгнут 12 июля 1540 года. Генрих VIII забраковал ее, не скажем его же словами, как «кобылу», но как кормилицу, нанятую в господский дом и отпущенную с вознаграждением за то, что не умела «потрафить» господам. Жажда любви или просто животное сластолюбие, которое он желал облечь в законную форму, побудило короля немедленно вступить в пятый брак, по примеру второго и третьего – морганатический, с племянницей герцога Норфолка, Екатериной Говард. Странности характера Генриха VIII и частые смены жен невольно заставляют сказать о нем: с женщинами истинно честными и по происхождению своему достойными быть его супругами он обходился как с потерянными, а содержанок своих возводил в достоинство королевское, уважая их как равных себе. Сравнение короля английского с султаном турецким может быть очень невыгодно первому: у поклонника Магомета султанша-

валиде обыкновенно бывала одна, у Генриха VIII ею становилась первая встречная…

То же можно сказать и о нашем царе Иване Васильевиче Грозном. Чем объяснить сумасбродства этих *великих* государей XVI века? Желанием ли унизить свое достоинство, надругаться над законами или просто оправданием поговорки самодуров: «Ндраву моему не препятствуй»?… И в руках подобных деспотов находились судьбы государств!.. Пушкин назвал нашего Грозного «венчанным гневом»; Генриха VIII можно назвать «венчанным бешенством».

В описываемую нами эпоху на великого короля английского окончательно напала религиозная мания, осложненная помешательством эротическим. Через три недели после развода с Анной Клевской Генрих VIII торжественно объявил своей супругой Екатерину Говард, с которой еще до развода обвенчался тайно. Эта красавица, родственница Анны Болейн, нравом оказалась еще хуже этой последней. В угоду своему достойному дяде герцогу Норфолку Екатерина нашептала королю на ненавистного Норфолку Томаса Кромвеля и возвела его на эшафот; тайно благоволя католикам, она восстановила державного своего супруга против реформаторов и лютеран, умножая число казней и усиливая гонения. По повелению Генриха парламент обнародовал *кровавый указ* (bloody bill) в шести пунктах, излагавший религиозные обязанности верноподданных его величества. В силу этого указа приверженцев Папы вешали, а последователей лютеранства или анабаптистов жгли на костре… Исповедовать следовало веру *англиканскую,* изобретенную королем, в которой дикие фантазии его величества были возведены в степень неопровержимых истин и догматов. «Я действую по вдохновению свыше!» – говорил тиран окружающим, и эта раболепная дворня вполне с ним соглашалась… Просим читателя найти разницу между Генрихом и Гелиогабалом, заставлявшим воздавать себе божеские почести… Казни католиков и лютеран происходили с каннибальской утонченностью: несчастных возводили на костер с вязанкой хворосту за плечами или связывая спина со спиной лютеранина и католика. Жертв не перечисляем, чтобы не потерять им и счета; мать кардинала Полуса, врага реформы, дряхлую старицу графиню Солсбери, последнюю ветвь Плантагенетов, приговорили к смертной казни. Чувство самосохранения придало ей силы бороться с палачом, который, наконец, зарезал ее тут же на эшафоте. Кроме нее, назовем лорда Монтэгю, маркиза Эксчестера, Эдуарда Нельдилля, Керью, Леонарда Грея, наместника ирландского, генерала Кореи; из духовных: А.

Брорбея, Ф. Корка, Ф. Бельчиома, Ф. Эбль, доктора Лемберта и юродивую Елизавету Бартон!.. Вполне довольный своей пятой супругой, Генрих VIII приказал читать по церквам особые молитвы о ниспослании ему супружеского счастья – увы! – непродолжительного.

Некто Лешле (LasceLLes) представил Кренмеру донос на Екатерину Говард, обвиняя ее в распутстве еще до брака с королем и после брака. Ссылаясь на свою сестру, горничную герцогини Норфолк, в семействе которой воспитывалась Екатерина, доносчик счастливыми ее обожателями называл Диргема и Меннока, с которыми она была в преступной связи до брака. Кренмер сообщил королю эти нерадостные вести, и хотя в первую минуту Генрих усомнился в их правдивости, тем не менее поручил канцлеру навести справки, собрать сведения. Донос Лешле оказался истиной от слова до слова: Екатерина Говард за брачный свой венец и за корону увенчала голову своего супруга весьма неприлично. Тем более, что рогатый тигр даже ненормальное явление. Сообщницей и помощницей Екатерины в ее любовных похождениях была невестка Анны Болейн, сестра ее брата, леди Рошфор – существо гнусное и развращенное. Суд был недолог: и Екатерину и ее сводницу казнили в Тауэре 12 февраля 1542 года. Желая впредь застраховать себя от неприятных ошибок при выборе супруги, Генрих VIII обнародовал неблагопристойный указ, повелевавший всем и каждому в случае знания каких-либо грешков за королевской супругой до ее брака немедленно доносить королю. Второй пункт обязывал каждую девицу, в случае избрания ее в супруги его величества короля (читайте *султана)* английского, заблаговременно исповедоваться ему в своих былых прегрешениях, ежели таковые за нею водились.

– Теперь нашему королю остается жениться на вдове! – пошла шутливая молва в народе.

Ровно год вдовел Генрих VIII, ведя его в политических распрях с Шотландией и Францией и прилежно занимаясь делом преобразования церкви. В это время издан был перевод Библии для употребления при литургии и для чтения знатных господ, народу чтение Библии было воспрещено под угрозой смертной казни. Сверх того, для пояснения верноподданным короля английского догматов новой веры изданы были «Постановления для христианина» (Institution of a christian man), вскоре замененные не менее бестолковым «учением» (Erudition of christian man). Во внешней политике подвигами великого короля были его успешные войны с Шотландией (во время которых для покрытия издержек были упразднены и ограблены монастыри) и союз с Карлом V против Франциска I, охладевшего к своему

бывшему приятелю вследствие его безобразничания. Перед отбытием в армию, в феврале 1543 года, король английский изволил жениться в шестой раз, на Екатерине Парр, вдове лорда Летимера, женщине, пользовавшейся безукоризненной репутацией. Молва народная, предрекавшая королю женитьбу на вдове, сбылась! К этому можно прибавить слово о странной судьбе Генриха при его многочисленных браках. Первая его супруга, вдова его брата, была чистой и непорочной девственницей; Анна Болейн и Екатерина Говард, выдавая себя за честных девиц, не были ими, а будучи замужем, не умели быть даже и честными женами; отзывы Генриха о целомудрии Анны Клевской до ее брака были также не совсем основательны; Екатерина Парр была вдовой… Таким образом, за исключением Екатерины Арагонской и Джейн Сеймур, король английский не обрел в своих женах того высокого идеала чистоты, женственной прелести и кротости, к которому он так упрямо стремился. Добрая, истинно любящая женщина могла бы исправить этого человека, но такой он не нашел; разочарование в женщине было, конечно, одной из существенных причин того скотообразия, до которого он унизился в последние годы своей жизни.

Женщина умная, Екатерина Парр втайне благоволила лютеранам и была дружна с Анной Эскью (Askew) – запытанной королем за ее отзывы о религии, не согласные с идеями самодура. На престол шестая жена Генриха VIII не возлагала никаких надежд, так как, женясь на ней, король дал права законных дочерей принцессам Марии и Елизавете, объявив наследником своим принца Эдуарда. Екатерина Парр надеялась образумить короля касательно вопроса религиозного и душевно желала, чтобы в делах церковных Генрих VIII остановился на учении Лютера. То, что король делал в это время с духовенством, едва ли могло быть извинительно даже Чингисхану или Тохтамышу. 7 июня 1547 года он заключил мир с Францией и Шотландией и по этому случаю приказал в церквах петь благодарственные молебны и совершать процессии со всеми драгоценными принадлежностями богослужения: крестами, дароносицами, ковчегами и иконами… На другой же день все эти драгоценности были отняты в казну. Вычеркнутые из богослужения молитвы о Папе Римском были заменены молитвами об охране короля от «тирана римского». С докторами богословия Генрих вел диспуты с неизменной готовностью за противоречие казнить своего антагониста. Костры пылали, тюрьмы были переполнены узниками, без казней не проходило дня…

Оплакав втихомолку казнь своего друга, Анны Эскью, Екатерина Парр приступила к делу обращения короля в

лютеранство, дерзая вступать с супругом в богословские диспуты.

В одной из подобных бесед Екатерина слишком явно высказалась за аугсбургское исповедание, на что король с адской иронией заметил ей:

– Да вы доктор, милая Китти!..

И сразу после ухода супруги Генрих вместе с канцлером составил против нее обвинительный акт в ереси. Добрые люди немедленно уведомили Екатерину о готовящейся грозе, и королева своей находчивостью спасла голову от плахи. На другой же день она, придя к мужу опять, затеяла с ним диспут и, постепенно уступая, сказала наконец:

– Мне ли спорить с вашим величеством, первым богословом нашего времени? Возражая, я только желаю просветиться от вас светом истины!

Генрих, нежно обняв ее, отвечал, что он всегда готов быть ее наставником и защитником от злых людей.

Будто в подтверждение этих слов на пороге показался канцлер, пришедший за тем, чтобы арестовать королеву.

– Вон! – крикнул король. – И как ты смел прийти? Кто тебя звал? *Мошенник! Дурак! Скотина!* (Knave, fooL, beast!)

Великий король вообще был неразборчив в выражениях.

Жизнь Екатерины Парр была спасена, хотя, нет сомнения, что над головой ее висела секира палача, до времени припрятанная, но Бог сжалился над нею и над всеми подданными Генриха VIII: 28 января 1547 года этот изверг испустил последний вздох на руках своего клеврета Кренмера, завещая похоронить его в Вестминстерском аббатстве рядом с Джейн Сеймур. Воспоминание о своей единственной любви была искрою человеческого чувства в умирающем. Народ вследствие тридцативосьмилетнего ига до того оподлился, до того привык к раболепству, что оплакивал этого великого короля.

Существует убеждение, что все тучные люди добры, так как «жир будто бы поглощает желчь». Генрих VIII лет за пять до смерти был до того жирен, что не мог сдвинуться с места: его возили в креслах на колесах. Самая болезнь его была следствием этой чудовищной тучности. Видно, нет правил без исключения.

Анна Клевская пережила его десятью годами и умерла в Англии, пользуясь своей пожизненной пенсией.

Екатерина Парр, через тридцать четыре дня после смерти Генриха VIII, вышла за Томаса Сеймура, адмирала королевского флота, но внезапно скончалась 7 сентября 1547 года. Существует предание, будто она была отравлена мужем, имевшим виды на руку принцессы Елизаветы, будущей королевы английской.

notes

Примечания

1

Генрих VIII родился 28 июня 1491 года. Он был вторым сыном короля и Елизаветы Йоркской.

2

Кардиналом a latere назывался полномочный папский легат к христианским государям. Уолси пользовался полномочием и правами весьма обширными, ставившими его наряду с патриархами или митрополитами восточной церкви.

3

Б о л е н а, Б о л е н, Б у л е н (Boulain) – так итальянцы и французы искажают эту фамилию, которая была Болейн (Boleyn). Так, по крайней мере, писала ее Анна собственноручно, и мы не можем не признать этого неопровержимого авторитета.